

Ирина Михутина

Украинский Брестский мир

европа

Ирина Михутина

Украинский Брестский мир

«Европа»

Михутина И.

Украинский Брестский мир / И. Михутина — «Европа»,

Что мы знаем о подлинной истории подписания Брестского мира? Почти ничего. Какие-то обрывки из советских книг и кинофильмов, которые служили в первую очередь иллюстрацией к сталинскому «Краткому курсу истории ВКП(б)». Отрывочные абзацы из учебников, которых уже почти никто не помнит. Между тем долгая эпопея переговоров о сепаратном мире между революционной Россией, с одной стороны, и Германией с ее союзниками – с другой, читается как детективный роман. Особую остроту этой истории придает факт, которого не знает никто, кроме немногих специалистов: дипломатическое поражение России в Брест-Литовске было вызвано не только непоследовательностью и авантюристкой петроградских переговорщиков. Ключевую роль здесь сыграл «джокер»: в группе договаривающихся сторон внезапно появился новый партнер – Украинская центральная рада, которой, при всей шаткости ее положения, за спиной делегации из Петрограда удалось подписать с Германией отдельный мирный договор.

© Михутина И.

© Европа

Содержание

ОТ АВТОРА	5
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ирина Михутина

Украинский Брестский мир

Путь выхода России из первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и правительством Украинской Центральной рады

ОТ АВТОРА

Брестский мир, или заключение мирного договора между Россией с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой, которое произошло 3 марта 1918 года, – очень известное событие, давно уже сделавшееся предметом отечественных и зарубежных исторических исследований, мемуаристики, публицистики, драматического жанра и прочих произведений. И все же дипломатическая акция по подготовке мирного договора с Германией, Австро-Венгрией и их союзниками протекала в столь необычных, быстро менявшихся и полных неожиданностей условиях внутренней жизни вступивших в переговоры стран, что для полноты картины необходимо рассмотреть важнейшие из этих привходящих условий. Среди них судьбоносным для Брестского мира оказалось неожиданное появление в качестве нового самостоятельного субъекта переговоров Украинской народной республики, провозглашенной первоначально в пределах Российского государства, – «не отделяясь от республики Российской и сберегая единство ее». Тем не менее представители республики заключили с Германией и ее союзниками отдельный мирный договор, что резко изменило соотношение сил на брестских переговорах в ущерб России.

История подготовки и заключения украинского договора на фоне становления Украинской республики, формирования ее внешнеполитических приоритетов в теории и опровержение их на практике – таков центральный сюжет, давший название книге.

Развитие ситуации в Украине происходило в связи и взаимодействии со многими событиями на территории остальной России. Потому освещение этих событий, а также анализ линии советского руководства в украинском вопросе нашли место на страницах книги.

Кроме того, возникла возможность без предвзятости проанализировать специфику советской политики и дипломатии в связи с брестскими переговорами, чему в решающей мере способствовали выявленные при сборе материала документы и факты, которые прежде по идеологическим мотивам оставались вне поля зрения исследователей.

Автор глубоко признателен сотрудникам Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины (Центральный державний архів вищих органів влади і управління – ЦДАВО України), Архива внешней политики РФ (АВП РФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива РФ (ГАРФ), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), которые высокопрофессионально и доброжелательно содействовали выявлению документов и дальнейшей работе над ними, послужившими основой предлагаемого труда.

Материалом для изучения поставленных в нем вопросов, во-первых, послужили:

- комплекты правительственных документов – протоколов заседаний Совета народных комиссаров Российской Советской Федеративной Социалистической Республики из фондов РГАСПИ и ГАРФ; официальных актов и отчетов о сессиях украинской Центральной рады и протоколов заседаний правительства Украинской народной республики – Генерального секретариата, представленных в двухтомной публикации «Українська центральна рада. Документи і матеріали» (Київ, 1996); копий протоколов заседаний ЦИК Советов Украины и правительства – Народного секретариата, в свое время в подборках поступивших в РГАСПИ из архивов Украинской ССР;

- оперативные документы – тексты переговоров по прямому проводу Петроград – Киев на тему урегулирования российско-украинских отношений из ЦДАВО України, фонд ГС.

Во-вторых, материалами этого исследования стали дипломатические документы из АВП РФ, фонда «Мирные переговоры в Брест-Литовске», фонда наркома по иностранным делам, референтур по Германии и Австрии, личных фондов и других источников. Среди них – протоколы переговоров о перемирии и мире, а также оперативный обмен информацией между советской делегацией и правительством: телеграммы, радиogramмы, записи переговоров по прямому проводу; оперативные отчеты делегации Центральной рады правительству и инструкции Генерального секретариата делегатам в период неофициальных переговоров украинцев с представителями Четверного союза из фонда ГС ЦДАВО України и копии протоколов официальной стадии этих переговоров – из ГАРФ и АВП РФ, коллекция германских дипломатических документов из публикации «Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора» (Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора: Сборник документов. – М., 1968. Т. 1).

В-третьих, это военные документы из фондов РГВИА, РГАСПИ, АВП РФ, ГАРФ – переписка командования и сводки о состоянии действующей армии, о деятельности группы военных консультантов советской делегации, о боевых действиях отрядов под командованием Владимира Антонова-Овсеенко против донской контрреволюции и войск Украинской народной республики.

И наконец, это разнообразные документы по теме, выявленные в фондах Владимира Ленина, Секретариата председателя Совета народных комиссаров, Иосифа Сталина, Льва Троцкого (РГАСПИ).

Глава 1

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ВЫХОД РОССИИ ИЗ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Россия не может воевать. – Владимир Ленин – Лев Троцкий: переговоры с противником ради мира или для начала революционной войны? – Разведочная и демонстрационная стадия переговоров о перемирии. – Перерыв в переговорах и подготовка в Петрограде к заключению перемирия. – Первые плоды «революционной дипломатии» распространения листовок в стане противника. – Самоубийство члена военной консультации при возобновлении переговоров. – Перемирие заключено. – Начальные контуры переговоров о мире.

Большинству российских политиков, оказавшихся у власти в результате Февральской революции, представлялось, что достаточно сместить неэффективное царское правительство и провозгласить демократические свободы, чтобы обеспечить более успешное, чем при самодержавии, участие России в мировой войне. От старой власти они переняли цели войны и ожидали, что военный фактор в условиях политической свободы послужит новой мобилизации народа. Так думали либералы – конституционные демократы во главе со своим лидером Павлом Милюковым, министром иностранных дел в первом составе Временного правительства [1].¹ В том же русле мыслил и действовал возглавивший затем правительство социалист-революционер Александр Керенский.

Однако вызвавший революцию кризис, помимо политических причин, имел глубокие социально-экономические корни. Унаследованные межсословные перегородки и различия интересов не стерлись в одночасье и по-прежнему, если не в большей степени, мешали сплочению всех общественных сил вокруг военных задач. И если часть офицерства еще могла вдохновляться идеалами воинской чести и славы, то для солдатских масс, не понимавших имперских целей войны и подавленных уже понесенными потерями на ее полях, провозглашенная революцией свобода могла означать лишь одно – свободу от войны. Н. М. Могилянский, петербургский профессор украинского происхождения, этнограф и экономист, ничего общего не имевший с большевиками, писал, находясь уже в эмиграции: «Кто близко видел фронт и настроение войск, задолго до проповеди Ленина и Троцкого предсказывали основное следствие опыта войны: „Солдаты оставят фронт“... Проповедь упала лишь на слишком готовую психологически почву» [2]. Ни бодрящие призывы Временного правительства, ни требования союзников не переломили этого настроения. На европейских фронтах русская армия отступала, отдавая противнику стратегически важные позиции на своей территории, а страна в ожидании назревших социально-экономических преобразований при бездействии Временного правительства погружалась во внутренний хаос, теряя способность поддерживать техническое, материальное, продовольственное обеспечение фронта.

В этой обстановке в кругах сторонников реальной политики крепла мысль о необходимости поворота к миру, даже сепаратному. В таком духе высказались на секретных политических совещаниях в августе – сентябре 1917 года заместитель председателя Временного правительства Александр Коновалов и советник МИД императорской России и Временного правительства, специалист по международному праву Б. Э. Нольде [3].

Последний военный министр Временного правительства Александр Верховский в связи с катастрофическим сокращением материальных средств поставил вопрос об уменьшении численности войск и, встретив возражения главного командования, 20 октября на соединенном

---

¹ В квадратных скобках указаны источники (см. примечания в конце каждой главы).

заседании комиссий Совета республики по обороне и иностранным делам высказался в пользу предложения противнику мирных переговоров, за что был отстранен Александром Керенским от должности [4].

Однако шаг военного министра встретил понимание людей, не понаслышке знавших положение в войсках. Генерал А. П. Будберг, командовавший одним из корпусов Северного фронта, записал 23 октября в своем дневнике: «С точки зрения верности слову предложение, конечно, коварное, ну, а с точки зрения эгоистических интересов России быть может единственно дающее надежду на спасительный исход: для масс мир это козырный туз, и его хотят взять себе большевики... и возьмут, как только станут у власти». Большевики действительно взяли власть под знаком немедленного мира, и это, по признанию далекого от симпатий к ним генерала, был «гениальный ход для привлечения солдатских масс на свою сторону» [5].

Но в международно-политическом плане большевики располагали лишь лозунгом справедливого мира «без аннексий и контрибуций», пригодным для тех, кто не был уверен в успехе или проигрывал войну, но неприемлемым для стран и народов, имевших шансы осуществить поставленные цели (у одних – захватнические, гегемонистские, у других, напротив, – связанные с национально-освободительными и национально-объединительными процессами) [6].

Вождь большевизма Владимир Ленин видел идеальный характер формулы справедливого мира и не один раз в духе марксизма подчеркивал, что получить такой мир «нельзя без свержения капитализма» [7]. Европа была еще далека от этого. Правда, центральные державы проявляли заинтересованность в ликвидации своего Восточного фронта и пополнении истощившихся ресурсов за счет восстановления экономических отношений с Россией. Не случайно Берлин, пренебрегая дипломатическим протоколом, откликнулся на советское радиообращение о перемирии и затем, когда 13(26) ноября 1917 года российские парламентарии на участке Северного фронта по шоссе Двинск – Паневеж в пасторате Лассен вручили немецкому дивизионному генералу Г. Гофмейстеру документ с предложением вступить в переговоры о перемирии, положительный ответ германского верховного командования последовал раньше первоначально установленного срока, практически немедленно. Переговоры было намечено начать 19 ноября (2 декабря) 1917 года в Ставке командования германского Восточного фронта в Брест-Литовске [8]. С такой же готовностью «приступить к предложенным Русским правительством переговорам о немедленном перемирии и всеобщем мире» откликнулось правительство Австро-Венгрии [9].

Но и мир с заинтересованными центральными державами не обещал быть легким. На пути к нему стояла немецкая оккупация, помимо Польши и части Волынской губернии, стратегически важных для России территорий в Прибалтике. Не потому ли Ленин, став у руля государства, уже 25 октября (7 ноября) на дневном заседании Петроградского совета стал говорить о том, «что немедленного мира ждать невозможно и решительная политика мира не означает немедленного прекращения войны»? Этой мысли мы не встретим в собрании сочинений, где речь изложена по газетному отчету. В нем воспроизведена агитационная доктринальная составляющая речи, в которой окончание войны напрямую связано с необходимостью «побороть самый капитал» [10]. Но приведенные выше слова были дружно замечены представителями военных ведомств в Петрограде – штаба Верховного главнокомандования и политуправления военного министерства – и немедленно сообщены в Ставку верховного главнокомандующего и в управленческие органы фронтов [11].

С такой же осмотрительностью государственного человека 26 октября (8 ноября) Ленин представил Второму Всероссийскому съезду Советов свой революционный «козырный» Декрет о мире. «Мы, конечно, будем всемерно отстаивать всю нашу программу мира без аннексий и контрибуций. Но мы должны не ставить наших условий ультимативно. Поэтому и включено положение, что мы рассмотрим всякие условия мира, все предложения. Мы не закрываем и не закрывали глаз на трудности», – говорил он, имея в виду собственно дипломатическую

работу. Тогда же прозвучали знаменательные в свете дальнейшей истории «несчастливого» мира слова: «Войну нельзя кончить одной стороне» [12].

Таким образом, Ленин, приступая к «делу мира», имел в виду как специфические методы революционного воздействия и антивоенной пропаганды в стане противников и капиталистических союзников, не признавших советское правительство и требовавших от России продолжения войны, так и общепринятую дипломатическую практику.

Поддержание такого баланса оказалось в конечном счете невозможным с назначением наркомом по иностранным делам Льва Троцкого. По его воспоминаниям, при распределении портфелей председатель Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов (ВЦИК) Яков Свердлов будто бы сказал: «Льва Давыдовича надо противопоставить Европе, пусть берет иностранные дела» [13]. Но Троцкий, по словам сменившего его после брестского провала Георгия Чичерина, – любитель «декларативных шагов, доводящих все до крайнего обострения» и «истерических скачков» [14], с самого начала не имел вкуса к дипломатической работе и, по собственным воспоминаниям, следующим образом рассуждал при своем назначении: «Какая такая у нас будет дипломатическая работа?.. Вот издам несколько прокламаций и закрою лавочку» [15].

Значительно полнее намерения Троцкого отразились в письмах из России члена французской военной миссии капитана Ж. Садуля. Социалист Садуль был сторонником сотрудничества Франции с советским правительством и единственный из французских представителей поддерживал неофициальные контакты с большевистским руководством, правда, из-за незнания русского языка – лишь с теми, кто говорил по-французски. Он встречался с Лениным; особенно тесным было его общение с наркомом по иностранным делам. «Долго беседовал с Троцким, который все настойчивее зовет заходить к нему каждый вечер, – сообщал он 5(18) ноября недавнему министру вооружений Франции, социалисту А. Тома, – он принимает меня, отложив все дела. Я остаюсь единственным связующим звеном между революционным правительством и союзниками» [16].

Учащенное общение сформировало у француза обманчивое представление о первенствующей по сравнению с Лениным роли Троцкого в большевистских верхах. Троцкий, писал он, «с помощью Ленина почти в одиночку осуществляет управление революционным правительством. Сам Ленин часто присутствует при наших беседах. Он отлично понимает по-французски, но говорит на нем не так хорошо, как Троцкий, и никогда не включается в разговор» [17].

Вместе с тем в записях Садуля значительно точнее и полнее, чем в других источниках, вырисовывается линия Троцкого в непосредственно порученной ему области. Из интервью, данного французу в ночь на 26 октября (8 ноября), следовало, что Троцкий вовсе не готовился к дипломатическим переговорам, так как был заранее «уверен, что германское правительство, несмотря на давление социал-демократии, не примет предложения о перемирии на мирных условиях, выдвигаемых русской революцией», а на вопрос «что тогда» продекларировал с полной уверенностью: «Тогда мы объявляем революционную войну, священную войну, ведущуюся не на принципах национальной обороны, а на принципах обороны интернациональной, социальной революции. Мы добьемся от наших солдат военных усилий, которых русские правительства, включая царизм, не сумели потребовать от армии» [18].

Через неделю Садуль записал по поводу подобных тирад: «Я не разделяю оптимизма Троцкого. Я не верю, что революционное сознание поднимет на борьбу с врагами революции всех тех солдат, которые отказываются воевать против врагов родины» [19]. Таким образом, разница в толковании проблемы мира между Лениным и Троцким обнаружилась в первый же день прихода их к власти, но не сразу переросла в противоречие. Во-первых, потому, что революционная и антивоенная пропаганда вовне, которую Троцкий ставил во главу угла, признавалась и Лениным в качестве особого средства воздействия на контрпартнеров в будущих переговорах о мире. 26 октября (8 ноября) Садуль узнал от Троцкого, что «уже сейчас гото-

вится несколько миллионов листовок с этим обращением (Декретом о мире. – *И. М.*) и призывом к немецким трудящимся начать восстание; листовки будут разбросаны самолетами на линии фронта и в тылу противника» [20]. Во-вторых, Троцкий хотя и предпочитал замирению с неприятелем «священную революционную войну», но полагал, что начинать надо с предъявления демократических принципов мира, то есть не отрицал, что на повестке дня должны быть мирные переговоры, к чему бы они ни привели.

Переговоры о перемирии обычно являются делом военных. Но в условиях старой армии при новой власти делегация, сформированная для этой цели, приобрела политическое лицо: уполномоченные ВЦИК функционеры РСДРП(б) А. А. Иоффе (председатель), Л. Б. Каменев, Г. Я. Сокольников, левые эсеры А. А. Биценко и С. Д. Мстиславский (Масловский), а также «представители революционных классов» – солдат, матрос, рабочий и крестьянин. При ней предусматривалась группа военных специалистов-консультантов. (Противники большевиков потешались над этой группой делегатов, слагая анекдоты о том, как будто ничего не подозревавшего деревенского мужика, неизвестно зачем оказавшегося в Петрограде, в последний момент прямо с улицы усадили в поезд, идущий в Брест, в качестве полномочного делегата. На самом деле попавший на язык острословов калужский крестьянин Р. И. Сташков хотя и не знал дипломатической техники и этикета, но был вполне причастен к политике, состоял в партии эсеров, участвовал в Чрезвычайном съезде крестьянских депутатов и даже был избран в его президиум.)

Военное министерство, руководимое генералом Алексеем Маниковским, и Генеральный штаб под началом генерала В. В. Марушевского, в отличие от других старых государственных учреждений, бойкотировавших советскую власть, сочли своим долгом продолжать работу «для насущных нужд армии». Тем временем генерал-майор Генерального штаба С. А. Одинцов предложил свои услуги по организации штабных офицеров для разработки военно-технических условий перемирия, и Владимир Ленин, приняв предложение, просил наметить основные вопросы договора, заранее обратив внимание на важное с точки зрения союзных обязательств «условие о неотводе войск на другие фронты», на необходимость определения разграничительной линии перемирия, мер контроля и так далее, а также предложил назвать кандидатов в военные консультанты [21].

Последнее оказалось непросто. Двух представителей Генерального штаба, полковников В. И. Шишкина и А. В. Станиславского, избранных для этой миссии на собрании сотрудников Главного управления штаба, генерал Марушевский направил в делегацию под угрозой ареста [22].

Самому генералу вскоре не удалось его миновать. 19 ноября (2 декабря) Лев Троцкий доложил на заседании Совета народных комиссаров об аресте Маниковского и Марушевского. Последнего – «за направленные против Советов переговоры с Духониным (смещенным большевиками исполнявшим должность Верховного главнокомандующего. – *И. М.*) и сделанную преступную попытку саботажа при организации делегации для переговоров о перемирии». 21 ноября (4 декабря), на следующий день после захвата большевизированными частями Ставки в Могилеве и самочинной расправы с Николаем Духониным, Совнарком отклонил предложение А. Г. Шляпникова, Николая Подвойского и Александры Коллонтай об освобождении генералов и назначении их на ответственные посты и принял резолюцию Льва Троцкого с обвинением их в «замаскированной, выжидательной, контрреволюционной политике» и замечанием в адрес самой советской власти за «попустительство» такой политике, которая «вызывает смуту в рядах командного состава» [23]. В подготовительных материалах к этому заседанию правительства имеется рукописный набросок с предложением «народным комиссарам по военным делам Крыленко, Подвойскому и Антонову... за недостаточный контроль над военным ведомством... сложить с себя полномочия». На их место предлагались Вячеслав Менжинский, Лев Троцкий и Марк Елизаров [24]. Замена тогда не состоялась, а генералы 30 ноября (12 декабря)

были освобождены на поруки по ходатайству командного состава и солдат Главного артиллерийского управления [25].

В срочном порядке были вызваны из армейских штабов разных фронтов, а также Военно-морского штаба и другие офицеры [26].

По пути в Брест уполномоченные делегаты, прибыв в распоряжение командования Северного фронта в Двинске, выступали с агитационными речами на «летучих» солдатских митингах, поучаствовали в работе проходившего армейского съезда и одновременно вникали в существо предстоявшей военно-дипломатической работы. Лев Каменев, по сообщению в Ставку генерал-квартирмейстера 5-й армии, провел длительную беседу с офицерами штаба и рассказал, что делегаты «не имеют полномочий заключения перемирия, а имеют задачи выяснить условия» такового [27].

После открытия переговоров Владимир Ленин и Лев Троцкий в разговоре по прямому проводу – на той стадии они, как правило, вдвоем инструктировали делегатов – еще раз настоятельно напомнили им: «Было категорически условлено, именно, что подписание Вами перемирия без обсуждения здесь (в Петрограде) абсолютно недопустимо» [28].

В Двинске же местные офицеры заметили, что «члены делегации... крайне внимательно относятся ко всем указаниям и пожеланиям оперативно-технического характера», намерены их принять и проводить в жизнь [29]. Иными словами, большевистское руководство, только что вступившее на государственную стезю, направило делегацию пока что с зондажными целями, чтобы примериться к возможностям и перспективам дальнейших переговоров. При этом за недостатком времени и соответствующего персонала не были подготовлены даже рутинные в таких случаях документы.

Делегация прибыла в Брест налегке, не имея разработанного проекта перемирия. На первом заседании 20 ноября (3 декабря) советские уполномоченные намеревались выступить на пробу с политико-пропагандистскими речами по заранее подготовленному конспекту. В нем говорилось: «Мы от имени Совета Народных Комиссаров предлагаем перемирие на всех фронтах. Срок 6 месяцев. Но мы предлагаем, чтобы германское военное командование последовало нашему примеру и предложило Франции, Англии и Италии перемирие на тех же условиях, которые будут нами совместно выработаны. Если они запросят, имеем ли мы полномочия от своих союзников, ответ должен быть, что не имеем еще, поэтому и предлагаем им непосредственно обратиться к нашим союзникам... после выработки условий перемирия мы предлагаем перерыв на две недели, во время которых на наших фронтах должны быть приостановлены военные действия и передвижения войск, с целью... еще раз обратиться к союзникам с формальным предложением перемирия уже (слово неразборчиво) Германией. Наконец, в интересах агитации за это перемирие мы предлагаем немцам в этот промежуток времени разрешить провоз нашей литературы по территории, занятой германскими войсками. В случае их требования пропускать в Россию немецкую литературу ответить согласием. Относительно основ будущего мира отвечать ясно и точно, разъяснив, что мы за демократический, без аннексий и контрибуций. С новым правом нации на самоопределение. Освобождение... всех... преследуемых за борьбу за мир. Строжайшее воспрещение передачи [спиртного] при взаимном посещении солдатских окопов. Полная свобода братания. Перерыв на 1 неделю» [30].

Представив на первом заседании формулу демократического мира, советские делегаты предложили контрпартнерам со своей стороны продекларировать цели мира, что представители Четверного союза отклонили по причине военного, а не политического характера своих полномочий. Настойчивые большевики все-таки посоветовали им обратиться к своим правительствам за разрешением обсудить поставленный вопрос. Ответа правительств не последовало [31].

Не возымели действия и усилия петроградских дипломатов, направленные на преодоление противоречия между их идеей всеобщего перемирия и германским предложением о

сепаратном перемирии на фронтах от Балтийского моря до Черного. По поводу этой неудачи Иоффе и Каменев докладывали Ленину и Троцкому по прямому проводу:

«Мы настолько часто подчеркивали...: для нас дело идет о перемирии на всех фронтах в целях установления всеобщего демократического мира... что немцы, наконец, заявили о недопустимости для них такой постановки вопроса, ибо они-де уполномочены только вести переговоры о перемирии с русской делегацией, делегаций других союзников России на конференции нет. На это мы еще раз предложили им параллельно с нами попытаться привлечь их» [32]. Разумеется, тщетно: Германия и державы Четверного согласия собирались сражаться друг с другом до победы.

Из поставленных советскими уполномоченными политических постулатов вступило в действие их предложение о гласности переговоров. Понадобилось создать специальную комиссию для сверки протоколов, потому что немцы норовили искусно «обработать» их «в сторону сепаратного мира», а не всеобщего, который пропагандировался большевиками [33].

Протоколы публиковались после сверки. С оговорками было достигнуто согласие на братание («дружественное сношение невооруженных солдат позади демаркационной линии»), которое, к слову сказать, наряду с агитационной составляющей стимулировало окопную торговлю с обильным поступлением от немцев спиртного в обмен на продовольствие и российское военное имущество, включая лошадей из артиллерии, а также способствовало расширению агентурных возможностей противника в рядах деморализованной русской армии [34].

На предложение о транспортировке агитационной российской литературы «с идеей мира» глава германской военной делегации начальник штаба Восточного фронта генерал-майор М. Гофман возразил, что «желание пробудить в Германии стремление к миру является излишним», ибо немцы и так готовы заключить с Россией мир, зато выразил уверенность, что провоз такой литературы в Англию и Францию будет разрешен германскими властями [35].

Проект военных условий перемирия с советской стороны составлялся специалистами до утра 21 ноября (4 декабря), когда его предстояло огласить на очередном заседании. Военные консультанты – офицеры старой армии вряд ли разделяли большевистскую идеологию. Но их желание сохранить воинскую честь перед союзниками не разошлось со стремлением советских лидеров предъявить воюющим народам идеал справедливого мира на всех фронтах. Поэтому с предельной твердостью было составлено условие, запрещающее переброску войск с фронта на фронт, разумеется, прежде всего с германского Восточного на Западный, из тыла на фронт и даже в пределах одного фронта. К тому же при определении разделительной линии перемирия было выдвинуто дерзкое требование об очищении, согласно принципу стратегического равенства, захваченных немцами островов Моонзунда, замыкающих Рижский залив, при том, что Рига тоже была оккупирована.

По представлении русского проекта М. Гофман официально заявил, что такие условия «были бы приемлемы в том случае, если бы Германия была побеждена» [36]. В частной же беседе с Иоффе генерал (в передаче собеседника) «сказал взволнованным тоном: настаивать на этих пунктах, особенно о Моонзунде, значит срывать переговоры; если Вы будете это повторять, то нам придется воевать». От себя глава советской делегации добавил, описывая этот эпизод: «И я лично не сомневаюсь, что если мы здесь не уступим... переговоры будут прерваны». Таковы же были впечатления и опасения Каменева. «У нас в запасе заявление, что решающий голос принадлежит Совету Комиссаров, – рассуждал он во время разговора по прямому проводу с Лениным и Троцким. – ...Это именно в вопросе о Моонзунде оставляет нам свободные руки. Что касается специально Моонзунда, то агрессивный характер этого требования признается военными экспертами. Моонзунд означает срыв. Прошу принять это во внимание» [37].

Но Ленин и Троцкий были непреклонны. «Мы не можем уступить ни одного из указанных Вами двух пунктов. Просим назначить следующее свидание уполномоченных на русской

территории через неделю и приехать в Петроград», – последовала их директива с напоминанием о недопустимости без консультаций в столице дальнейших шагов делегации [38].

На заседании 22 ноября (5 декабря) Иоффе сообщил контрпартнерам, будто русское Верховное командование настаивает на перерыве из-за выявившихся расхождений: немцы внесли проект перемирия от Балтийского до Черного моря, а не на всех фронтах, как предлагали советские уполномоченные. Перед отъездом делегации удалось условиться о перерыве в переговорах до 29 ноября (12 декабря) и о временном прекращении огня с 24 ноября (7 декабря) до 4(17) декабря. Перенести переговоры в Псков Гофман отказался, сославшись на свои обязанности начальника штаба в Бресте и заметив, что в Пскове пришлось бы заново устраивать коммуникационное и материально-техническое обеспечение конференции [39].

В Петрограде перерыв ушел на подготовку к завершению переговоров. Троцкий в безнадежном стремлении воплотить идею всеобщего мира направил 23 ноября (6 декабря) послам союзников и других заинтересованных стран обращение, содержащее информацию о начатых переговорах и призыв «открыто, перед лицом всего человечества заявить ясно, точно и определенно, во имя каких целей народы Европы должны истекать кровью в течение четвертого года войны» [40]. Адресаты, как и на предыдущее обращение, 17(30) ноября, не дали ответа.

24 ноября (7 декабря) Ленин распорядился завершить комплектование группы военных консультантов представителями Ставки и штабными офицерами, как правило, из учетных подразделений (разведка) [41] от каждого русского фронта, Балтийского и Черноморского флотов, а также вспомогательным персоналом, с предписанием всем к 26 ноября (9 декабря) прибыть в Петроград «для составления редакции договора» [42].

25 ноября (8 декабря) уполномоченные делегаты выступили с докладами о переговорах в Петроградском совете и на заседании ВЦИК. 27 ноября (10 декабря), днем отъезда делегации в Брест, датирован «Конспект программы переговоров о мире», написанный Лениным, как считается, в связи с обсуждением Совнаркомом в тот день инструкции по переговорам. Конспект состоит из односложного упоминания об экономической составляющей будущего мирного договора и систематически повторявшейся в то время максимы – «без аннексий и контрибуций». Причем понятие «аннексия» истолковано хронологически расширительно, с прицелом на глобальное геополитическое переустройство, касавшееся и ранее обретенных европейскими державами колоний. Особое назначение приобрела формула о праве наций на самоопределение вплоть до отделения. Если до Октябрьского переворота она выдвигалась для поддержки центробежных национальных сил против действующей российской власти, то теперь в сформулированных Лениным условиях реализации этого права (опрос населения с выводом оккупационных войск, возвращением беженцев и так далее) просматривалась задача восстановления нарушенного войной территориального состояния России [43].

В тот же день Лев Троцкий устроил заседание с делегатами, описанное присутствовавшим на нем членом группы военных консультантов подполковником Д. Г. Фокке. Троцкий, по словам мемуариста, спокоен, неразговорчив и деловит. Впрочем, «герой большевизма не только заседал, но и позировал. В его кабинете за занавеской помещался скульптор (как... говорили, Гинзбург), спешивший по заказу правительства увековечить Льва Давыдовича». При постановке задач «Троцкий короток. Он... настаивает на сохранении язвительного пункта (о Моонзунде. – И. М.), столь выгодного для престижа рабоче-крестьянской России. Однако... предусматривает германскую несговорчивость. Но никаких прямых директив им не дается: в случае отказа немцев он предлагает снести с ним по прямому проводу». Не посвященный в смысл большевистской тактики, критически настроенный автор вынес общее впечатление: в течение перерыва в переговорах «ровно ничего не было подготовлено и предreshено» [44].

Тем временем дали о себе знать не предусмотренные большевиками плоды революционной и антивоенной пропаганды в стане противника. Вскоре после отъезда уполномоченных на перерыв оставшийся в Бресте секретарь делегации Л. М. Карахан телеграфировал в Петро-

град: «Среди немецких солдат распространяется воззвание за подписью Ленина и Троцкого, в котором, между прочим, говорится, что в случае, если немецкие солдаты принуждены будут идти на помощь тылу, то русские солдаты наступать не будут. Листовки эти распространяются в миллионах экземпляров» [45].

Чины германской делегации высказали неудовольствие сперва в пространной полуофициальной беседе. Карахан следующим образом изложил ее содержание: «Листок, распространяемый среди немецких солдат от имени русского правительства, представляет собой вмешательство во внутренние дела Германии. Германия с начала русской революции неоднократно и официально заявляла, что она... не будет вмешиваться во внутренние дела России, но... она категорически требует и для себя того же самого. Является нелояльным, что русское правительство старается возбуждать к... восстанию против того правительства, с представителями которого оно находится в переговорах, а также возбуждает к саботажу. Это двойственное отношение приводит на мысль, что кажущееся стремление русского правительства... прийти к заключению мира с Германией не представляется искренним... Листок угрожает успешному ходу переговоров и... обнадеживает противников перемирия и мира, желающих сорвать наши переговоры. Русским должно быть известно, что широкие круги в Германии сомневаются в правомочности русских вести переговоры, так как русское правительство не получило до сих пор всеобщего признания... и это... могло бы угрожать происходящим переговорам. Это вселяет сомнение в прочности положения русского правительства... в том, в силах ли оно будет заключить предполагаемые договоры с Германией» [46].

Вслед за этим 25 ноября (8 декабря) М. Гофман попросил передать в Петроград свое официальное заявление о том, что распространяемые среди солдат листовки представляют нелояльное действие против германского правительства: «Они имеют целью возбуждение германских солдат к низвержению существующего в Германии государственного строя. Это есть вмешательство во внутренние германские дела, которое [он] должен самым решительным образом отклонить. А в случае, если распространение таких листовок будет иметь место в будущем, то это серьезно угрожало бы продолжению переговоров» [47].

Карахан «ответил в том смысле, что ему не известен точный смысл возвания и поэтому, не входя в его существо, он должен сказать, что пока русское правительство не имеет к германскому другого обязательства, кроме одного: в точности выполнять условия о прекращении боевых действий» [48]. Одновременно секретарь советской делегации запросил санкции на подготовленное им пространное официальное заявление «большого политического смысла и агитационного значения». Однако Каменев с одобрения Троцкого решил, что достаточно и сказанного, напомнив об отсутствии у секретаря полномочий как на официальные, так и на частные разговоры [49]. Гофман же дальше предупреждения о негативных для факта переговоров последствиях революционной агитации пока не пошел, потому что лидеры Четверного союза были заинтересованы не в срыве переговоров, а в замирении на востоке.

Возобновление переговоров о перемирии, предполагавшее согласование условий и подписание договора, было омрачено трагедией в русской делегации. По прибытии в Брест 29 ноября (12 декабря), до открытия конференции, во время частного совещания советской делегации свел счеты с жизнью представитель Ставки в группе военных консультантов, один из сотрудников Николая Духонина, погибшего 20 ноября (3 декабря), генерал-майор В. Е. Скалон. «Не суди меня, прости, я больше жить не могу», – написал он в прощальной записке жене [50].

«„Я ему завидую!“ – так говорили некоторые, и возражения на зависть мертвому не находилось... Слишком безжалостно подрубила корни привычной жизни Великая Российская революция», – вспоминал коллега генерала и свидетель его трагедии. Он же передал, какими фантастическими представлениями отзывались революционные события у тех, кто оказался отрезан от России немецкой оккупацией: православный священник, приглашенный из оккупированного Белостока для совершения обряда прощания, после панихиды обратился

к старшине российских военных консультантов контр-адмиралу В. М. Альтфатеру, внешне, по общему признанию, похожему на отрекшегося царя: «Ваше Императорское Величество! Осмелюсь спросить, каким образом Вы сюда изволили попасть?» И несмотря на все опровержения адмирала и окружающих, батюшка перед отъездом простился со словами: «Все равно вы меня не разубедите» [51].

Переговоры возобновились 30 ноября (12 декабря) в деловой обстановке и привели к окончательному согласованию большинства условий перемирия сроком на 28 дней с автоматическим продлением и предупреждением о расторжении за семь дней. Советская сторона согласилась завершить переговоры в Бресте, не перенося их в Петроград. Без осложнений была согласована разделительная линия и установлены места пребывания районных комиссий по соблюдению перемирия, достигнута договоренность о выводе русских и турецких войск из Персии (Ирана) и возвращении русских частей из Македонии. Контрпартнеры приняли советское предложение об «организованном» братании, о транспортировке пропагандистской литературы на Запад, об обмене гражданскими пленными и инвалидами, возвращении задержанных из-за войны на чужой территории женщин и детей, об облегчении участи военнопленных, для чего было решено учредить в Петрограде совместную комиссию [52], приступившую к работе в конце декабря 1917 года [53].

Продолжение получил лишь острый спор по вопросу о непереброске войск. Большевики настаивали на ней, потому что не оставляли мысли о присоединении союзников или хотя бы неофициальном их содействии в реорганизации российской армии, чему и перед французским правительством, и перед Петроградом из всех сил пытался помочь капитан Садуль. Правительство Франции не поддавалось на это. Зато Ленин и Троцкий, по утверждению капитана, именно его предложения положили в основу своих условий перемирия и не позволили советской делегации отступить от них ни на шаг. Троцкому такая твердость дала повод еще и к тому, чтобы вернуться к исходной мысли о революционной войне.

2(15) декабря Садуль записал, что нарком «может быть вынужден прервать переговоры, провозгласить революцию в опасности и возобновить военные действия» [54]. Тем временем советские делегаты в Бресте отстаивали намеченную программу. «Наши надежды на союзников не потеряны, – говорил Иоффе, – в зависимости от того, какие условия мы тут примем, Союзные народы могут оказать давление на Союзные правительства».

«Наоборот, – возражал Гофман, – односторонняя связанность Германии явится ободрением для Франции и Англии. Такая связанность возможна лишь до января» [55]. До 10 января 1918 года (28 декабря 1917-го) – предложил Иоффе, после чего заспорили о размере не подлежащих переброске подразделений. Гофман настаивал на формуле – «крупные подразделения силой дивизии и выше». По мнению Иоффе, это подразумевало бы допустимость перемещения на запад меньших подразделений. Он предложил спустить планку до полка. На вечернем заседании спор пошел по пройденному утром кругу. Гофман заявил, что это одностороннее и потому унижительное для Германии условие могло стать и стратегически опасным в случае присоединения к войскам Согласия американских войск. Он доказывал, что за срок перемирия невозможно перебросить армию для боя. Приобщить такое разъяснение к договору он отказался, но вместе с тем рассуждал, что предложенные ограничения легко обойти [56]. «Все, конечно, можно обойти, – возражал Каменев, – но я считаю с доброй волей сторон. С договором в руках мы идем на разрыв с союзниками, с которыми мы дружили три года, если они не последуют за нами в деле мира. Вот наша гарантия» [57].

Решение отложили до очередного сеанса связи советской делегации с Петроградом. В течение дня 30 ноября (13 декабря) делегаты уже информировали Владимира Ленина и Льва Троцкого о содержании спора. В 9 часов 50 минут вечера состоялся их разговор с Троцким. Иоффе сообщил, что немецкая формула «силой дивизии» ставится ультимативно. Нарком со своей стороны предложил с «ультимативной твердостью» отстаивать позицию «непереброски

войск... организованными единицами», присовокупил к этому новую аргументацию в пользу советской формулировки, «естественность и очевидность которой будет очевидной каждому солдату и каждой из воюющих армий».

«Наше требование... вызывается отнюдь не одними только надеждами на то, что союзные правительства присоединятся немедленно к переговорам, а причинами более принципиального характера, – раскрывал нарком свое глобальное намерение сразу всех избавить от испытаний войны. – Мы не хотим превращать перемирие в содействие германскому милитаризму против милитаризма других стран. Равным образом мы стремимся обеспечить действительное перемирие для братающихся с нашими солдатами немецких солдат, а не подготовить для них только перемещение на другую бойню». Доводы немецкого генерала нарком назвал «чепухой», а его требования – «формальными, адвокатскими» и на свой лад осветил «сущность дела», состоявшую будто бы в том, «что немцы, понимая психологическую невозможность для их армии наступать на Россию и не рассчитывая поэтому на возобновление операции на нашем фронте, хотят при нашем попустительстве произвести лишний натиск на итальянцев и французов». «Мы все уже говорили, – в ответ взмолился Иоффе, – если настаиваете, то мы эту формулировку утром повторим» [58].

1(14) декабря в 20 часов 50 минут Карахан передал Троцкому, что после длительного обсуждения, потребовавшего перерыва для запроса правительствам стран Четверного союза, они приняли обязательство «до 30 декабря 1917 г. не производить никаких оперативных воинских перебросок... за исключением тех, которые... были уже начаты» [59]. Последней была согласована разделительная линия на Балтике, причем таким образом, что мешала подходу немцев с моря к Моонзундским островам, хотя об очищении их, разумеется, речи не было [60]. 2(15) декабря договор о перемирии с 4(17) декабря сроком на 28 дней с возможностью дальнейшего продления был подписан, о чем Иоффе и Каменев немедленно сообщили Троцкому [61].

Верховный главнокомандующий Николай Крыленко специальным приказом немедленно оповестил об этом все подразделения действующей армии, пообещав в нем: «Еще немного и давно желанный мир заменит ужасы войны» [62]. В Петрограде были довольны, что не поступились важным для себя условием о непереброске войск. В Берлине, в свою очередь, не чувствовали от этого большого ущерба, так как заранее провели необходимые перемещения.

На первом же после перерыва заседании стороны пришли к согласию о том, что переговоры о мире начнутся сразу вслед за заключением перемирия. Причем, как сообщал в правительство Карахан, руководители дипломатических ведомств стран Четверного союза изъявили готовность выехать немедленно в Брест, чтобы быть на месте к моменту подписания перемирия в том случае, если с российской стороны придет равный им по должности Лев Троцкий. Советская делегация согласилась сразу перейти к переговорам о мире, начать их в Бресте, но завершить на нейтральной территории. На вопрос Карахана, когда Троцкий придет в нейтральный Стокгольм, если не сможет быть в Бресте, нарком ответил, что его приезд вообще невозможен ввиду предстоявшего вскоре начала работы Учредительного собрания (в те дни большевики уже отсрочили открытие Учредительного собрания, назначенное ранее Временным правительством на 28 ноября (11 декабря) 1917 года), на котором ему необходимо представлять внешнюю политику советской власти [63].

Вечером 30 ноября (13 декабря) после трудных дискуссий с контрапартнерами Каменев в разговоре с Троцким вновь стал объяснять важность его приезда, в противном случае настаивал на пополнении делегации консультантами историком Михаилом Покровским и специалистом по Востоку Михаилом Павловичем (Михаилом Вельтманом), иначе, по его словам, «ситуация будет сильно ослаблена» [64].

Непосредственные участники и свидетели переговоров о перемирии с российской стороны, каких бы политических взглядов они ни придерживались, после завершения их поняли,

что переговоры о мире, вопреки всевозможным слухам о «немецко-большевистском сговоре», будут «настоящими». «Мы, – вспоминал Фокке, – отдавали себе лучший отчет о характере „связи“ Смольного с Берлином, о которой в понятном патриотическом рвении кричало в России всё, что после переворота оказалось правее большевиков. Нам в Бресте было совершенно очевидно, что... Кошка – Германия будет играть зарвавшейся Мышью – Смольным, имея за собой все преимущества и военной силы, и дипломатических способностей» [65].

Германская сторона, в свою очередь, считала помехой предстоявшим переговорам отсутствие у контрпартнеров дипломатической подготовки [66]. Тем более чувствовали это советские уполномоченные. 1(14) декабря они вновь телеграфировали Льву Троцкому: «Еще раз просим уведомить, будет ли усиление делегации и кем» [67]. На следующий день Каменев сообщил Троцкому по прямому проводу: «Договор заключен. По всем пунктам достигли соглашения... пока хотели договориться относительно мирных переговоров. По-видимому, будет перерыв два или три дня, т. к. болгарин и турок не успеют раньше получить полномочия... Здесь весьма заинтересованы [в] вашем прибытии... в этом случае от них тоже будут министры иностранных дел и [великий] визирь. [В] частных разговорах доказывают: имело бы весьма важное политическое значение, если бы вы сами изложили свою программу мира» [68].

«Если переговоры начнутся здесь без вас, – добавил Иоффе, – Л[ев] Б[орисович] и я настаиваем на присылке подкрепления для справок историко-статистического, правового свойства, хорошо бы иметь Покровского и дипломата-эксперта. Желателен барон, автор письма к Горькому» [69]. Очевидно, имелся в виду барон Б. Э. Нольде, предложивший свои услуги в переговорах. Он, по свидетельству коллег, был «ультрареалистом» и в сложившейся обстановке считал единственно реальной международно-политическую программу большевиков: потому они и оказались у власти [70].

Но большевистским лидерам пока не требовались профессионалы. Для начала они хотели повторить тактику, испытанную в переговорах о перемирии. Лев Троцкий ответил Адольфу Иоффе и Льву Каменеву: «Мы настаивали на первоначальном плане. В течение 1-2-х дней вы обмениваетесь с противной стороной основными предпосылками будущего мирного договора, чтобы затем после перерыва в несколько дней встретиться на нейтральной почве... С Михаилом Николаевичем [Покровским] уже сговорился. Он выедет после перерыва вместе с вами в Стокгольм. Что касается программы мира, то мне остается только перевести мою брошюру на турецкий язык и послать ее великому визирю». По поводу приглашения в делегацию Нольде – специалиста по международному праву с европейским именем, члена международного Третейского суда в Гааге, награжденного французским орденом Почетного легиона, нарком – выпускник реального училища в Николаеве – сообщил: «Барон был у меня. Не произвел внушительного впечатления. Его экспертиза может иметь чисто канцелярский, бюрократический характер. Вряд ли мы в этом нуждаемся. Он предлагает в порядке официальной инициативы вступить в переговоры с союзниками и выехать в Стокгольм. С ним целая группа буржуазных пацифистов. Я отказал наотрез. В качестве члена нашей делегации он явился бы совершенно инородным телом» [71]. Этот первоклассный знаток международных отношений и при всем своем остзейском происхождении – патриот России искренне сокрушался потом над «варварством» большевистских делегатов, которые «вели переговоры так, как, вероятно, в истории никакие переговоры не велись» и в результате не сумели даже в пределах возможного защитить интересы России [72].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.